

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2004

Номер выпуска: 20

Заглавие: Художественное завещание Чехова

Автор: Л. С. Левитан

17 января 1904 года - день премьеры «Вишневого сада» в Московском Художественном театре. Сто лет прошло с этого дня. А «Вишневый сад» не устарел и не состарился, не стал музейной классикой. Однако идеи и образы «Вишневого сада» живут не только в этих спектаклях: их отголоски, перепевы, переключки с ними звучат во множестве произведений. Смена эпох и поколений, конфликты и столкновения характеров, в которых взаимодействуют трагическое и комическое, - к этим мотивам вслед за Чеховым обратились многие художники.

К 100-летию «Вишневого сада» все, кто любит Чехова, получили замечательный подарок: вышла в свет книга Э.А. Полоцкой «Вишневый сад». Жизнь во времени» - фундаментальное научное исследование, которое читается как увлекательный роман. В этой книге пьеса Чехова соотнесена с художественным опытом 20-го века. Э.А. Полоцкая отмечает переключки с «Вишневым садом» в лирике А. Блока, в его поэме «Двенадцать», в драматической поэме «Песня Судьбы». И в произведениях И. Бунина, который, по его словам, не улавливал в чеховской прозе родства со своим творчеством, многие ситуации и мотивы напоминают о «Вишневом саду». Чеховская метафора исторических перемен продолжена и развита в «Днях Турбиных» М. Булгакова. И в более отдаленные от Чехова 50-е, 60-е, 70-е годы в пьесах А. Арбузова, В. Розова, В. Арро («Смотрите, кто пришел!») и даже у А. Вампилова есть подобные переключки. Наиболее отчетливо ситуация «Вишневого сада» отражена в пьесе Л. Петрушевской «Три девушки в голубом».1

«Вишневый сад» Чехова открыл «путь к художественной трактовке страданий людей в переломные эпохи, когда рушатся прежние экономические, нравственные, эстетические устои./.../ Свои «вишневые сады» в виде дубовых лесов, парков с тополями, садов с цветущей сакурой и т.д. были в каждой стране...»2 Вслед за Чеховым к художественному постижению перемен в социальном организме своих стран обратились драматурги Европы и Америки. Оригинально развил чеховские мотивы Б. Шоу в пьесах «Дом, где разбиваются сердца» и «Почему она не пожелала». По принципу «несходства сходного» соотносится с «Вишневым садом» пьеса Д. Голсуорси «Мертвая хватка». На перепевах чеховской пьесы строится сюжет драмы Л. Фейхтвангера «Американец, или Расколдованный город». Последователем Чехова был Теннесси Уильямс, автор пьесы «Трамвай «Желание». Театр абсурда унаследовал и утрировал (довел до абсурда в буквальном смысле слова) одну из существенных особенностей поэтики Чехова-драматурга - неинформативность диалога: пьесы Э. Ионеско («Лысая певица», «Стулья») и С. Беккета («В ожидании Годо», «Эндшпиль», «Счастливые дни»).3

Почему же «Вишневый сад» породил столь мощный резонанс в литературе 20-го века? Назревание сдвигов на рубеже 19 - 20 веков ощущал не только Чехов. Но Чехов выразил это ощущение в небывалой до того художественной форме. Он создал новый художественный язык. Поэтому в пьесы Чехова вошла жизнь во всем богатстве и во всей сложности ее проявлений.

Вспомним слова Чехова, сказанные в 1904-м году: «В жизни люди не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. Они больше едят, пьют, волочатся, говорят глупости. И вот надо, чтобы это было видно на сцене. Надо сделать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт. Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни».1 Так открывалась катастрофичность бытия, скрытая за оболочкой бытовой повседневности.

На рубеже веков в России многие помещичьи семьи разорялись, их имения шли с молотка. Об этом можно прочитать во многих произведениях тех лет. Можно ли сказать, что «Вишневый сад» - одно из этих произведений? И да, и нет. Да - потому что его сближает с ними фабула, изображение событий, которые можно пересказать. Нет - потому что его отделяет от них сюжет, не пересказуемый и неисчерпаемый. Бытовое в нем возводится до бытийного, социально-историческое - до общечеловеческого.

Многоплановый сюжет «Вишневого сада» организован не столько историей продажи имения, сколько противоречием между надеждами, тревогами людей - и неумолимо текущей жизнью. Здесь нет ненавидящих друг друга, желающих друг другу зла, здесь не плетутся интриги, не совершаются измены, нет как будто ни обманов, ни жестокости, ни подлости. Лопухин искренне любит Раневскую и желает ей добра, - однако отнимает у нее любимый вишневый сад; хозяйева заботятся о больном Фирсе, - однако оставляют его одного в заколоченном пустом доме; Дуняша влюблена в Яшу, - однако слово дает Епиходову; Раневская плачет от радости, возвращаясь домой, - однако очень скоро снова уезжает в Париж... Жизнь течет по своим, непонятным и неумолимым законам и делает близких, любящих людей все более разобщенными, все менее понимающими друг друга. В 1-ом действии - теплая семейная обстановка, радость встречи; во 2-ом - через три недели - намечается расхождение между людьми. Далее все возрастает степень некоммуникабельности: в 3-ем действии интересы и побуждения действующих лиц расходятся в противоположных направлениях, в 4-м - расхождение чувств и желаний становится всеобщим, всеохватывающим. Люди причиняют друг другу страдания, вовсе не желая этого, и их взаимное непонимание не может сгладиться ни симпатией, ни взаимным уважением, ибо судьбы героев «втянуты в общее течение жизни, выпутаться из которого невозможно». 5

В сюжете пьесы взаимодействуют две линии: непрерывно усиливается стихийная расходимость между всеми действующими лицами - и одновременно нарастает общее для всех чувство неудовлетворенности жизнью и нагнетается страстное желание лучшего будущего.⁶ Но никто из персонажей пьесы - не герой и не творец этого будущего. Никто из них не может противостоять хотя бы наглости Яши, тем более - объективным закономерностям течения жизни, где царствует зло. «Жизнь следует каким-то своим законам, которым нет дела до намерений и желаний, разногласий и споров дельца-предпринимателя и демократа-разночинца». 7

В этом - источник сочетания смешного и грустного в «Вишневом саду». Перед жизнью все оказываются недотепами, - и Чехов вправе над ними посмеяться. Но их мечты о счастье не сбываются не по их вине, и Чехов сострадает своим героям.

Однако он не прощает им разрыва между гуманными речами и чувствами - и антигуманными по ступкам. Раневская жалеет Варю, старается устроить ее судьбу, но ей и в голову не приходит уделить Варе хоть сто рублей, о которых та мечтает. Аня собирается строить новую жизнь, - но, не убедившись в том, что Фирса увезли в больницу, заверяет мать, что его уже отпустили, и Фирса заживо хоронят в заколоченном доме. Лопухина просят, чтобы не рубили сад, пока его бывшие владельцы не уедут, но Раневская и Гаев еще успевают услышать стук топора по вишневым деревьям.

Почему же происходят такие несообразности? Почему конкретные, казалось бы, стремления людей оказываются зыбкими, определившиеся желания - неопределенными? Люди как будто сами сомневаются, чего же они хотят.⁸ Дело в том, что чеховские герои причастны, в той или иной мере, к судьбам всего человечества. Они об этом не говорят, они этого не осознают, - но это выражается в их поведении: они задумчивы, часто погружаются в молчание, их чувства и мысли постоянно меняются, а поступки бывают нелепы и не соответствуют чувствам. Для того, чтобы читатель пьесы и зритель спектакля проник в сущность происходящих событий, отношений между персонажами, нужна была новая

художественная система, в которой важную роль играют авторские ремарки, паузы, детали и мотивы, которые обнаруживают свой художественный смысл только во взаимодействии, в отражениях и перекличках. Появляясь, они как будто «утоплены» в тексте, а потом «выныривают» на его поверхность. Дуняша на балу заявляет Епиходову: «Теперь я мечтаю»; «мечтаю» в устах Дуняши звучит комично. А вот Аня, которая на самом деле мечтает о том, как она с матерью будут осенними вечерами читать книги, слово «мечтаю» не произносит; о ее чувствах говорит ремарка «Мечтает». Слово это, в данном контексте возвышенно-лиричное, вызывает в памяти комичную реплику Дуняши, - и получает иронический оттенок, обнаруживая то, что сближает Аню с Дуняшей: наивность, псевдоромантичность.

Вокруг слова в чеховском тексте возникает некий смысловой ореол, оно играет множеством эмоционально-эстетических оттенков, - подобно радуге, в которой белый цвет расщепляется на все цвета спектра. Но бывает и противоположный случай: слово теряет свое основное словарное значение, по существу - обесмысливается, как будто уходит из текста - в подтекст. Разновидность подтекста - тот самый неинформативный диалог, который заимствовал у Чехова театр абсурда, чтобы выразить свою концепцию мира как абсурда, хаоса. Функция подтекста у Чехова совершенно иная: он нужен для того, чтобы передать такие события и ситуации, которые традиционными словесными средствами передать невозможно. Подтекст «открывает особые смыслы, лежащие вне прямой логики событий и отношений»⁹ - стало быть, углубляет и расширяет сферу художественного познания мира и человека.

Подтекстная реплика не несет никакой прямой информации сама по себе, не имеет довлеющего себе художественного смысла вне контекста. Она только сигнализирует о том, что в человеке происходит напряженная эмоциональная работа, не находящая адекватного словесного выражения. Вспомним бильярдные термины в речи Гаева: они привычны для окружающих и всем понятны именно как свидетельство глубокого раздумья («Дуплет в угол... Круазе в середину...») или смущения («От шара направо в угол! Режу в среднюю!»).

Во втором действии «Вишневого сада» задумавшиеся Любовь Андреевна и Аня повторяют друг за другом: «Епиходов идет... Епиходов идет...». Эка важность - прошел Епиходов! В прямом своем, лексическом значении высказывание и не информативно, и не имеет прямого отношения к развитию драматического действия. Замечание о Епиходове свидетельствует только о том, как далеко блуждают мысли матери и дочери Раневских; с тем же успехом они могли бы вместо этой фразы напевать какую-нибудь мелодию без слов.

Известный исследователь Чехова мой университетский учитель Григорий Абрамович Бялый рассказывал такую историю. Как-то в 40-е годы он был приглашен в один из ленинградских театров консультантом спектакля «Вишневый сад». Режиссер и актеры настойчиво искали, с его помощью, интонацию реплик о Епиходове. Придя на премьеру спектакля, Григорий Абрамович с особым интересом ожидал, как будут произнесены эти реплики. И он их не услышал! Их опустили. В антракте он поспешил за кулисы, чтобы высказать режиссеру свое удивление и возмущение. А тот ответил раздраженно: «Это вообще невозможно сыграть!»

Возможно ли преодолеть разобщенность людей? Может ли их объединить труд, к которому призывает Трофимов? Всякий ли труд облагораживает человека? «Не трудящиеся» Раневская, Гаев, Аня, Симеонов-Пищик окружены трудящимися, служащими им людьми: Яша и Фирс - лакеи, Дуняша - горничная, Епиходов - конторщик, Шарлотта - гувернантка, Варя - экономка. Однако кого может этически и эстетически удовлетворить «труд» Яши или «унылое хлопотанье» Вари? Возвышает ли Лопухина его трудовая деятельность, приближает ли будущее труд студента Трофимова? Очевидна бескрылость труда персонажей «Вишневого сада». Трофимов говорит о крепостническом прошлом вишневого сада: «...неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа...», ему слышатся голоса рабов... Так, может быть, прав Лопухин, срубая вишневый сад? Сад

прекрасен, его жалко, но ведь только Аня обещает насадить новый сад, но когда это будет, да и будет ли вообще?

Пьесы Чехова называют «пьесами настроения», потому что в их сюжетах важна не столько динамика фабульных событий, сколько динамика настроений героев. В 1-ом действии «Вишневого сада» господствующее настроение - умиление и радость. Среди сорока ремарок этого действия преобладают - «смеется», «смеется радостно», «радостно», «плачет от радости», «радостно, сквозь слезы». А из сада доносится пение птиц, за окнами - чудесные деревья, белые массы цветов, голубое небо, на столе - свежий букет... Настроение 2-го действия - раздумье, напряженная, не всегда высказанная, душевная работа. Около сорока ремарок, чаще всего - «напевает», «в раздумье», «задумчиво», «сквозь слезы», «умоляюще»... Обстановка действия: поле, старая часовенка, разбросанные камни, когда-то бывшие могильными плитами, закат солнца, восходящая луна... 3-е действие наиболее сложно и богато разнообразными настроениями. Восемьдесят ремарок - и самые разные чувства: удивление, восторг, насмешка, волнение, радость, печаль... Резкий диссонанс: праздничный фон - и драматические переживания героев. Обстановка 4-го действия контрастна обстановке 3-го: опустевший дом, на стенах нет картин, сложенная в угол мебель, облетевший сад («На дворе октябрь»)... Кончилась жизнь в этом доме, скоро он будет сломан. Сорок пять ремарок выражают полярные настроения: «плачет», «тихо рыдает», - «радостно», «весело», «напевает»...

Так лирическое настроение в чеховской пьесе превращается в драматическое начало.¹⁰ Расхождение чувств превратилось в расхождение судеб. Надежды на любовь не оправдались, любовь никого не спасает, для счастья человека мало одной любви. Герои разъезжаются. Чувства, которые всех объединяли, теперь оказались растекшимися, видимое единство разлетелось, близких духовно людей расшвыряло в разные стороны, а духовно чуждых - соединило: Лопахин и Епиходов, Гаев и Аня, Раневская и Яша, Варя и Рагулины.

Время в пьесе, подобно маятнику, качается между прошлым и будущим. Раневская провела за границей пять лет. Лопахин вспоминает себя подростком. А шесть лет назад умер отец, а через месяц утонул в реке мальчик Гриша... Время идет - то краткое: «Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харьков ехать» (Лопахин), «Завтра утром встану, побегу в сад» (Аня), «Завтра по закладной проценты платить» (Пищик), - то долгое: барин когда-то ездил в Париж на лошадях, сушеную вишню отправляли возами в Харьков и в Москву... Постарел Гаев, выросли Аня и Дуняша; кажется, только старый книжный шкаф остался тем же.

В 4-ом действии движение времени становится физически ощутимым: «...до поезда осталось всего сорок шесть минут!», «...через двадцать минут на станцию ехать», «Минут через десять давайте уже в экипажи садиться...», «Еще минут пять можно...», «Я посижу еще одну минутку», «В последний раз взглянуть на стены, на окна...». Мгновение за мгновением, капля за каплей утекает, безвозвратно уходит время. А ведь из таких капель, таких мгновений и составляется вся жизнь человека, которая, как говорит Лопахин, «знай себе проходит». И ни одна ее минута не вернется и не повторится. Монологом Фирса завершается сюжет: «Жизнь-то прошла, словно и не жил...». Что он сделал, Фирс, за свою долгую жизнь? Чем может удовлетвориться, оглядывая прощальным взглядом промчавшиеся годы? Этот вопрос ставит Чехов перед каждым героем своей пьесы, перед каждым читателем и зрителем.

Так формируется сюжет пьесы «Вишневый сад»: композиционным сочетанием разных планов драматического действия, сменой лирических настроений, сложной организацией художественного времени. Время фабульное - календарно точно: от начала мая до начала октября. А время сюжетное пульсирует, расширяясь и сужаясь, захватывая пласты прошлого и перспективы будущего. Настоящее вытекает из того, что было заложено в прошлом. Будущее определяется тем, что люди делают сегодня. И каждую минуту человек отвечает за то, что он думает, делает и творит.

Таково художественное завещание Чехова.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См. Полоцкая Э.А. «Вишневый сад». Жизнь во времени». - М., «Наука», 2003, с. 100-160.
2. Там же, с. 184, 161.
3. Там же, с.161 - 218.
4. Аре. Г. Из воспоминаний об А.П. Чехове. // «Театр и искусство», 1904, № 28, с. 521.
5. Шах-Азизова Т.К. Чехов и западно-европейская драма его времени. М., «Наука», 1966, с. 37.
6. Об этом впервые сказал А.П. Скафтымов в статье «О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А.П.Чехова». См. его книгу «Статьи о русской литературе». - Саратов, 1958, с. 376.
7. Хализев В.Е. Пьеса Чехова «Вишневый сад». // Русская классическая литература. Разборы и анализы. - М., «Просвещение», 1969, с. 383.
8. «По существу, чеховские герои уже не хотят того, что они хотят», - заметила М. Туровская в статье «На разломе эпох». // «Театр», 1960, № 1, с. 29.
9. Владимиров С. Действие в драме. - Л., «Искусство», 1972, с. 92.
10. См. Бердников Г.П. Чехов-драматург. Традиции и новаторство в драматургии А.П. Чехова. Изд. 2-е. - М., «Искусство», 1972, с. 293.

Сведения об авторе

Левитан Лия Соломоновна, доцент, доктор филологических наук. В 1941 - 1945 гг. - медсестра фронтового госпиталя в блокадном Ленинграде, затем на 2-м Белорусском фронте, старшина медицинской службы. В 1948-м окончила филологический факультет Ленинградского университета, в 1951-м - аспирантуру. С 1951-го по 1994-й год преподавала историю русской литературы в Даугавпилсском педагогическом институте. В Риге изданы ее книги: «Давайте разберем текст...», 1965, «Сюжет и идея», 1973 (в соавт.), «Основы изучения сюжета», 1990 (в соавт.), «Сюжет в художественной системе литературного произведения», 1990 (в соавт.).

С 1994-го года живет в Израиле.

Ашикма 18/1, 38497 Хадера, Израиль, тел. 04 6208140